

ряду с топосами реальной жизни. Однако их объединяет то, что все они — художественная реальность с некоторыми специфическими для Пушкина особенностями. Особый сон ума и чувств, при котором ослабевают и даже прерываются связи с сиюминутной действительностью, неизменно оказывается предпосылкой работы творческого воображения. Такой творческий сон описан уже в гл. 1:

Бывало, милые предметы
Мне снились, и душа моя
Их образ тайный сохранила;
Их после Муза оживила <...>

[7, т. 6, с. 29]

Подобным описанием роман завершается:

Промчалось много, много дней
С тех пор, как юная Татьяна
И с ней Онегин в смутном сне
Явились впервые мне —
И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.

[7, т. 6, с. 190]

В «Евгении Онегине» это представление возникает регулярно (см. с. 165 и особенно с. 184). За пределами романа оно подробно развернуто в стихотворении «Осень». Художественная действительность пушкинской поэзии — плод творческого воображения, творческого сна, и в нее входят, в частности, сон Татьяны или смертный сон Ленского.

Когда от фабулы мы переходим к внефабульным фигурам, пространство романа значительно расширяется (внефабульными фигурами будем называть географические области, лишь упоминаемые в тексте). В него входят Тамбов, Бессарабия, Молдавия; Англия, Франция, Италия, Германия с Лондоном, Парижем, Венецией, Геттингеном; Африка; водные пути, ведущие к ним: Балтийское море, Адриатическое море, Геллес-понт, по-видимому, Средиземное море в стихах: *И средь полуденных зыбей, Под небом Африки моей* <...> [7, т. 6, с. 26]; реки Салгир и Брента; среди жителей Одессы упоминаются грек, испанец, египтянин.

Несмотря на такое расширение географии романа, «плотность» его художественного пространства невысока. Из всей России выхвачено несколько городов, «Онегинский уезд» (назовем так окрестности имений Онегина, Ленского, Лариных и Зарецкого), деревня Автора, несколько окраин государства. Кроме России — лишь немногие страны, наиболее значимые для русской культуры; из всех частей света кроме Европы — лишь Африка.

Невысокая плотность художественного пространства имеет принципиальное значение для поэтики романа. Она создает эстетическую неопределенность, соответствующую той эстетической неопределенности, которая возникает из отсутствия многих мотивировок и абсолютных хронологических помет [1, с. 127—130]. Художественное пространство создает эстетическую неопределенность благодаря тому, что топосы, локусы, пространственные фигуры в нем слабо ориентированы друг относительно друга. В этом его принципиальное отличие от пространства физического, единственная функция которого — определять взаимное расположение предметов [18, т. 1, с. 459].

Лишь в немногих эпизодах происходит уплотнение пространства. Урбанонимы позволяют представить приблизительный маршрут передвижений Онегина в Петербурге и Лариных в Москве; ряд локусов намечает некоторое подобие топографии Деревни около дома Онегина и могилы